

Например, о младшем брате и сестре, о которых они упомянули вскользь одной фразой; например, о том, что они, похоже, ищут какую-то рассеянную снаружи душу, а кроме этого, они, похоже, разбираются с некоторыми довольно сложными делами; или ещё, что же такое «Ледяная Душа» на самом деле, в чём там ситуация с человеком, в точности как Цзюньсяо, и... кто же этот «он», о котором они говорят, наложивший запретное заклятие и заперший ту «Ледяную Душу»?

Эти два праотца, вероятно, за тысячи лет, кроме знакомых, редко имели дело с другими людьми. К тому же из-за высокого уровня культивации они редко тратили силы на обходные манёвры. Поэтому вели себя как хотели. Говорили половину и проглатывали половину — это ещё куда ни шло, но проглатывали настолько очевидно, что им не доставало только написанных на лице крупных иероглифов: «Я скрываю это от тебя, бей меня!». Из-за этого людям даже было неловко спрашивать.

Попади сюда любой человек с хоть капелькой любопытства, и ему не было бы покоя, он бы несколько дней скреб сердце и ломал ногти. Но Бай Кэ был человеком холодным, не горячим. Ему тоже было любопытно, он мог задать пару вопросов по теме, но редко допытывался. Хочешь сказать — скажи, не хочешь — продолжай молчать, пока он не услышал последнюю фразу Цзюньсяо.

— Не ходить в пруд Саньцин? — поднял голову Бай Кэ.

Хотя по тону это был вопрос, в сердце он не совсем не понимал смысл слов Цзюньсяо.

Если говорить только о тех мучениях, подобных прохождению через горы огня и моря ножей, которые он испытал в пруду Саньцин, то даже если бы его несли в паланкине и он кланялся девять раз, он не захотел бы туда возвращаться. Но потом произошёл такой неожиданный поворот.

Разум подсказывал ему, что это место отнюдь не было простым местом для практики, как говорил глава Врат Хэнтянь. При его способностях, если он ещё хочет сохранить жизнь, ему ни в коем случае не следует туда ступать.

Но в нём всё же была капля строптивости.

— Эта вещь изначально была крайне злой и свирепой. В прошлый раз, когда её выпустили, сколько же великих практиков погибло в той волне, а кости невинных людей сложились в горы, — когда Цзюньсяо говорил о тех событиях, выражение его лица, казалось, не менялось, лишь брови слегка нахмурились, но Бай Кэ чувствовал, что в его глазах пронеслась глубокая печаль и тысячелетия перемен. — От такой злой вещи чем дальше, тем лучше.

Горы костей?

Бай Кэ невольно вспомнил те тени, которые он видел прошлой ночью на «Ледяной Душе». Они слоями, густо плавали вокруг, лица у них были размыты, выражения онемевшие, взгляды пустые, но в них сквозила безумная ярость...

Неужели все они были теми практиками и простыми людьми, погибшими там?!

Если они все были душами, погибшими из-за той «Ледяной Души», тогда тот призрачный силуэт, который точь-в-точь похож на Цзюньсяо, неужели...

В голове у Бай Кэ возникла абсурдная мысль, но в этот момент она казалась вполне

обоснованной.

— Ты тогда тоже... — Бай Кэ не выдержал и вырвалось у него, голос был тихим, но на середине он резко оборвался.

Цзюньсяо глубоко посмотрел на него. Долго молчал.

Бай Кэ совершенно не понимал значения в его глазах. Он машинально бросил взгляд в сторону и увидел, что Юй Сянь тоже опустил глаза и смотрел на каменный стол, задумавшись о чём-то.

Он тоже почувствовал, что этот вопрос задал слишком резко и опрометчиво, в нём даже чувствовалось оскорбление. Он почти сразу пожалел, но слова уже не вернуть.

Как раз тогда, когда он хотел открыть рот и сменить тему, чтобы разрядить резко изменившуюся атмосферу в комнате, Цзюньсяо глухо произнёс:

— В то время со мной всё было в порядке.

Бай Кэ, который размышлял о смене темы, резко поднял глаза, с сомнением:

— В порядке? А тот человек внутри Ледяной Души...

— Это действительно был я, но это была одна из моих жизненных душ, которую я позже потерял там, — когда Цзюньсяо говорил это, тон был крайне лёгким, словно он говорил о совершенно постороннем человеке.

Бай Кэ:

— ...

Он, вероятно, ещё долгое время не сможет понять состояние практиков, которые говорят о потере души так же легко, как о потере одного юаня.

Раньше, в его постоянном понимании, душа была набором, и он никогда не думал, что её можно разобрать на части и потерять, и тем более не думал, что после потери можно жить так, как ни в чём не бывало, целых восемьсот или тысячу лет.

Несмотря на то, что Цзюньсяо выглядел максимально спокойным, это всё же была его душа. То, что он пожертвовал жизненной душой, неизбежно означало, что он прошёл через кровавый ветер и дождь. Но Бай Кэ не хотел дальше копать вглубь, чтобы не оскорбить ещё сильнее и не вызвать более долгого молчания.

Он вспомнил ту фразу, которую Цзюньсяо сказал раньше: «Если бы раньше, возможно, я и Шифу Соляная Рыба могли бы сломать это запретное заклятие, но сейчас...»

Разница между «раньше» и «сейчас», возможно, именно в той недостающей жизненной душе.

Но раз он и Юй Сянь не могут снять запрет, значит, они не могут войти внутрь, и тогда той жизненной душе придётся продолжать плавать там так?

Бай Кэ смотрел на находящегося перед глазами Хо Цзюньсяо, который всегда так легко говорил о своём опыте, и вспомнил того, кого видел прошлой ночью на «Ледяной Душе», и в сердце словно что-то ущипнуло.

Ещё он не успел подавить это неприятное чувство, как вдруг услышал голос Цзюньсяо:

— Поймал? — в тоне слышалось лёгкое удивление.

— А? — Бай Кэ на мгновение не отреагировал, растерянно глядя на Цзюньсяо, который говорил и поворачивался.

Бай Кэ тоже повернулся вслед за ним. Как раз напротив двери он увидел лапу, которая только что ухватилась за дверной косяк, а затем высунулась голова Линь Цзе, уставшего до смерти, как у собаки. Он высунул голову, высунул язык, тяжело дышал, так что, казалось, вот-вот сядет на месте и отправится на западный рай.

Если сказать правду, хотя этот парень и жил в Вратах Хэнтянь довольно небрежно, но всё же культивировался десять лет. Не говоря о другом, базовые навыки движения у него были неплохой основой, но до такой степени усталым, что вход в дом был совершенно беззвучным. Если бы Цзюньсяо вдруг не окликнул его, Бай Кэ бы совершенно не знал, что во дворе появился ещё один человек.

Однако Юй Сянь, казалось, был так же, как и Бай Кэ, только что обнаружил прибытие Линь Цзе. Он, засунув руки в рукава, поднял лицо и произнёс:

— О! Парень неплох! Так быстро поймал Арахиса? Сиссть — неужели? Это сколько времени прошло?! — Он высунул голову и посмотрел на солнце за окном, с сомнением почесав подбородок.

Бай Кэ резко понял, что именно казалось ему странным, когда он входил в дверь раньше.

Раньше он видел, что Юй Сянь при схватке с Хо Цзюньсяо вовсе не уступал и даже действовал легко. Не говоря о том, что его уровень культивации обязательно выше Цзюньсяо, по крайней мере, он примерно такой же. У таких великих мастеров чувствовать малейшее движение и ауру вокруг — совсем не странно. Как только что, Линь Цзе ещё не вошёл в дверь, а Хо Цзюньсяо уже обнаружил его.

Но Бай Кэ обнаружил, что Юй Сянь, как и он, обычный человек, похоже, совершенно не отреагировал на прибытие Линь Цзе.

Вспоминая ещё раньше, перед тем как Цзюньсяо и Бай Кэ вошли в дом, слова, которые говорил Юй Сянь в доме, были обращены только к одному Цзюньсяо. Или, можно сказать, он, возможно, слышал лишь слабый звук, но не знал, сколько людей во дворе, просто подсознательно подумал, что вернулся только Хо Цзюньсяо. Пока двое не вошли в маленький дом, и он не увидел, что Бай Кэ тоже здесь, он резко оборвал речь.

Как ни думай, это немного неправильно, правда?

Он был в задумчивости, как вдруг услышал, что наконец переведший дух Линь Цзе, как зомби, повесив две руки, болтаясь, втёрся в комнату, затем без церемоний ухватился за край каменного стола и сел на каменный стул. Лицо было мертвенно-бледным, и он протянул голос:

— Конеч-но — не — пой-мал —

— Я так и знал, что так быстро невозможно! — Юй Сянь бросил взгляд на Цзюньсяо и фыркнул:

— Помню, ты, парень, в своё время тоже потратил почти полдня, чтобы поймать Арахиса, да?

— Чёрт, полдня и поймал?! — Лицо Линь Цзе выглядело так, будто он потерял всякую волю к жизни.

Цзюньсяо:

— ... Он совершенно не чувствовал, что это чем-то заслуживает хвастовства.

— Нет, не так — главное не то — должно быть: чёрт, Учитель, ты тоже был наказан ловить Арахиса?! — Линь Цзе перемотал назад и воспроизвёл ещё раз.

Бай Кэ:

— ... Сумасшествие снова началось.

Цзюньсяо дёрнул уголком рта:

— Кто сказал, что я был наказан?

— Не наказан? Тогда зачем ты его ловил?

— Видел, что он интересный, хотел поймать и забрать назад, чтобы позабавить моего Учителя,
— ответил Цзюньсяо.

Чёрт, оказалось, это самовольное поведение? Линь Цзе смотрел на Цзюньсяо с выражением «это точно не моя проблема, больной точно ты», с ужасом в глазах:

— Второй Учитель, сколько тебе было лет, что у тебя так мало мозгов, чтобы ловить такую трудную штуку? И ещё толстый, тебе не казалось, что его, возможно, не прокормить?

<http://bllate.org/book/16844/1550009>